

Беспалов Дмитрий Николаевич,

кандидат политических наук, доцент кафедры информационной безопасности факультета бизнес-информатики НИУ ВШЭ,

Dbespalov@hse.ru

Bespalov Dmitry Nikolaevich,

candidate of political Sciences, the associate Professor of the Department of information security of the faculty of business Informatics HSE,

Dbespalov@hse.ru

Казakov Михаил Анатольевич,

доктор политических наук, профессор кафедры прикладной политологии факультета международных отношений ННГУ им. Н.И. Лобачевского

kazakov_mihail@list.ru

Kazakov Michael Anatolevich,

doctor of political sciences, Professor, Department of Applied Political Science Faculty of International Relations NNGU of N.I. Lobachevsky,

kazakov_mihail@list.ru

ПАТРИОТИЗМ КАК КРИТЕРИЙ ИЗМЕНЕНИЙ ПЕРЕХОДНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА: ПРОБЛЕМЫ НА ПУТИ К ИНФОРМАЦИОННОМУ ОБЩЕСТВУ

**PATRIOTISM AS CRITERION OF CHANGES OF TRANSITION POLITICAL PROCESS:
PROBLEMS ON THE WAY TO INFORMATION SOCIETY**

Аннотация

Цель статьи – представить для обсуждения авторское видение проблемного поля феномена патриотизма. Его проблемы имеют междисциплинарную природу, но выделяют особый смысл изучения в рамках социальных наук, предполагающих наряду с политологией интерпретацию патриотизма как критерия изменения политического процесса. Применительно к текущей ситуации, требуемого характера модернизации уточнены составляющие понятия патриотизма, сущностные и отличительные черты феномена. С целью минимизации его проблемного поля предложена концептуальная схема анализа традиций-инноваций-институтов. На основе комплексного анализа в новых ракурсах обозначены направления патриотизма как компоненты инфраструктуры его инновационной деятельности, нуждающиеся в дальнейшем исследовании.

Ключевые слова: изменения, инновации, информационное общество, модернизация, патриотизм, политическое развитие, традиции, ценности.

Abstract

Article purpose – to present author's vision of a problem field of a phenomenon of patriotism for discussion. Its problems have the interdisciplinary nature, but allocate special

sense of studying within the social sciences assuming along with political science patriotism interpretation as criterion of change of political process. In relation to the current situation, the demanded nature of modernization the making concepts of patriotism, intrinsic and distinctive features of a phenomenon are specified. For the purpose of minimization of its problem field the conceptual scheme of the analysis of traditions-innovations-institutes is offered. On the basis of the complex analysis in new foreshortenings the directions of patriotism as the components of infrastructure of its innovative activity needing further research are designated.

Keywords: changes, innovations, information society, modernization, patriotism, political development, traditions, values.

Определенный алогизм в названии статьи не случаен. Патриотизм как феномен с не проясненной сущностью неудобен для современных научных моделей (кроме социокультурных). Но как коллективная форма сознания и деятельности он отражает особую грань актуальности политического процесса. Ту действительную смену состояний политических объектов, что в соотношении эмоций и рациональности в политике образует величину, дающую возможность объяснить даже в рамках теории модернизации самобытный, саморазвивающийся характер политических изменений в не-западных обществах. А также реальность нелинейного пути их развития в направлении информационного общества, его роли в исследовании проблем безопасности и социального развития.

В параметрах «незаданности» политического процесса, его акценте на практических видоизменениях явлений суть информационного общества в *открытости* «границ общения во всех сферах человеческой деятельности, увеличении разнообразия и возможности выбора, расширении границ сотрудничества, взаимопомощи и взаимоинформирования в бизнесе, науке, культуре и образовании» [1, с. 41]. Она рассматривается в терминах «роста» адаптивных возможностей политической системы, режима, их умения сохранять пластичность в условиях быстро меняющейся реальности. Такой подход предполагает изучение самих процессов, их «узких мест и острых граней», что расширяет потенциал познания феноменов политического развития.

Текущий этап мирового социального и политического развития связан не только с «дарами» глобализации, но и ее «плодами», в первую очередь, *кризисами*, и прежде всего идентичности и участия. Они обладают для модернизируемых обществ не-западного мира сравнительно общими проявлениями и чертами. В первом случае выделяется «существование резкого разрыва между основной массой населения, живущего в рамках традиционной модели общественной жизни, и вестернизированной элитой. Она сосредотачивает в своих руках контроль над политическими процессами и оказывается почти единственным представителем социально-

политической активности общества. Во втором – его системы работают как весьма интенсивные структуры социальной и политической *мобилизации*» [2, с. 95]. В концепциях политического развития как действия нации-государства она тестируется созданием набора общественных институтов, составляющих его инфраструктуру, и контролируемым национализмом в политической жизни.

Авторы и сторонники подобных концепций подчеркивают, что «национализм – необходимое, но далеко не достаточное условие для обеспечения политического развития. Оно, в принципе, должно преобразовывать рассеянные, неорганизованные националистические настроения в дух гражданства» [3, с. 331], «*осовремененного*» *новыми стандартами патриотизма*. «Каждый народ, – пишет И. Ильин, – призван к тому, чтобы принять свою природную и историческую «данность» и духовно проработать ее, одолеть ее, одухотворить ее по-своему, пребывая в своем, своеобразном национально-творческом акте. Это его неотъемлемое, естественное, священное право» [4, с. 150-151].

Важные замечания по поводу «не творческого», а «деструктивного», не связанного с духовным патриотизмом «политического национализма» принадлежат и Н. Бердяеву. Во-первых, говоря о нем в смысле шовинизма, он обнажает, как было принято говорить, его подлинную суть: «всякий шовинизм на деле вовсе не отражает национальных интересов, а является прикрытием эгоизма конкретных классов или общественных групп» [5, с. 137-138].

Во-вторых, констатируя ранее «недостаточную актуализированность» Православия, где «разлит дух свободы», и перечисляя очевидные минусы «нашей» православной традиции в контексте христианского универсализма – тенденцию к подчинению Церкви государству, церковный национализм, неадекватную активность христианской жизни, вражду к западному христианству и замкнутость в себе, Бердяев дает свой ключ к пониманию патриотизма как феномена. Он не отождествляется с национализмом, но исторически, культурно и цивилизационно взаимодействует с его формами, проявляясь в чувствах, верованиях и убеждениях людей, связанных с ролью определенной национальности, нации, народа в государстве. Закономерна в связи с чем, постановка «русского вопроса».

К концу XX столетия именно он, как отмечал А. Солженицын, «стоит очень недвусмысленно: быть нашему народу или не быть?». В широком историческом континууме Россия твердо стояла на пути мирового зла, будучи мощным удерживающим центром от совершения «тайного беззакония» (2 Фесс. 2:7). Новый век изменил все в этом раскладе и «сейчас миссия российского государства выглядит иной, а русский народ, если можно еще назвать народом без пастырей бредущее в никуда стадо, представляет собой достойное сожаление зрелище» [6, с. 4]. Как-бы не уничижительно звучало данное обстоятельство в устах монаха это тоже следствие глобализации. Синтетический результат преднамеренных действий правящих кругов США, их

западноевропейских союзников и нашего коллективного бездействия по отношению к народу, который обладает богатейшим потенциалом здоровой самодостаточности, необходимым ныне для саморазвития России.

Да и в научном плане – единственной характеристикой, в равной мере присущей и государству, обществу, нации, является *народ*, объединяющийся вокруг данного *государства* и идентифицирующий себя с ним. «Без пастырей» – указание на состояние и эволюцию *политического лидерства* как регулятивного механизма. Они «необходимы массам и потому приходят к ним» (*П. Бахрах*) [7, с. 27]. Эти фигуры – основные «носители» *проблемы патриотизма* определенным образом взаимодействующие между собой в социальной (общество) и политической (государство) организации страны (Родина). Чье участие в ее решении (помимо уточнения в каком именно проекте модернизации), требует разработки критериев, позволяющих осуществлять комплексную оценку самого патриотизма.

Располагая разными ориентирами теоретического анализа (Н. Бердяев, И. Ильин, Дж. Коулман, А. Лейпхарт, Л. Пай, А. Солженицын, А. Хиршман, Ш. Эйзенштадт и др.), и вынося на обсуждение свое видение проблемного поля феномена патриотизма, отметим и методологический аспект. Новые подходы к определению «патриотизма», складывающиеся ныне, прежде всего, в сфере социальных наук и сопряженные с процессами модернизации, коренятся в идеологической и институциональной истории стран, цивилизаций, занимают особое место в культурно-политической программе современности. «Связанные с нацией образы Отечества, Родины, патриотизма присутствуют сегодня в требованиях практически любых – левых или правых – партий, инициируя существенные изменения в политических процессах» [8, с. 169].

Практики кризисности, неопределенности, альтернативности переключают акцент при их интерпретации «на разделяемые людьми жизненные ценности, сложившуюся ментальность и доминирующую символику, национальные интересы... Одним словом, на все элементы социокультурного (изнутри ориентирующие) поведение и отношения людей к власти, и во власти. В этом смысле политический процесс как явление *само* и *внешне* детерминируемое, раскрывает движение, динамику, эволюцию политических объектов и субъектов через конкретное изменение их состояния во времени и пространстве» [9, с.18].

Важным фактом со времен новой истории является то, что темы патриотизма, «сплетенные» с символами равенства, социальной справедливости и участия, ставшие с тех пор знаменами государственной и гражданской идентичности, оказались не только элементами общественных изменений. Но и составляющими, как легитимации политических режимов, так и внешних, внутренних факторов их расстройств. В соответствии с этим патриотизм – «соучастник» социальных, политических и идеологических изменений, смысл и содержание которого в решающей степени зависит от качества лидеров, политической и интеллектуальной элиты. Причем

не только центра, но и периферии. Развивая поэтому одно из стратегических направлений исследования патриотизма как *социально-политического явления*, важно в его содержании понимать и степень исторической обусловленности, и характер перехода от одного (типа) общества к другому, и политическое значение феномена в конкретике перемен настоящего времени.

В нем процессы сбережения присущего и возможности институциональных изменений (дизайна) уже не являются крайними проявлениями политического процесса. Но составляют ядро современного общественного дискурса и практики в контексте модернизации. Интерес к ней в России был «привит» Петром I. С тех пор модернизация – коренная проблема страны, прошедшей ряд этапов «догоняющего» варианта, его кризисов, переходящих в демодернизацию. Ныне Россия переживает переход от индустриального к постиндустриальному информационному обществу. В нем (в ряду примеров Югославии, С. Хуссейна и М. Каддафи) украинский кризис значительно изменил ситуацию. В условиях выживания механическое продолжение прежнего модернизационного проекта обрекает на уничтожение власть, на внешнее управление – страну.

Чтобы выжить, государство, как и советовал Ильин, должно принять свою природную и историческую «данность» и начать по-настоящему действовать в интересах общества. Что означает разработку общенационального проекта модернизации, выгодного всем его основным слоям, кроме олигархов, не инвестирующих свои капиталы в страну. А дальше «как по науке» – базовым механизмом функционирования и развития является *инновационная деятельность* во всех сферах практики. С учетом того, что именно она (создание новой или усовершенствованной продукции, нового или усовершенствованного технологического процесса, реализуемых в определенных областях практики с использованием научно-технических достижений) на всем протяжении истории была «в тисках» противоречий национальной культуры [10, с. 54].

В интересах собственного развития и его носителей – *инноваторов* – шла на компромисс между потребностями граждан и возможностями власти по их удовлетворению на стороне сильного. Ныне испытывает на себе особое влияние модификаций в экономике, энергетике, урбанизации, средствах информации и технологиях, затрагивающих распределение полномочий власти в управлении обществом. В каждом из процессов *патриотизм как следствие трансформации чувства общности и любви к Родине в способность к участию, действию*, был представлен своим актором или субъектом. С вполне естественным различием в адресате своих чувств и проявлении активности – личность, общества, государства.

В обосновании чего лежит замысел, выбор или расчет, опирающийся на ценности или соответствующие ориентации, проявляющие субъективные политические позиции людей, их понимание власти и политики. В зависимости от глубины осознания источников и форм политических отношений, причастности к тем или иным их интерпретациям, выделяются группы людей, своими действиями дифференцирующие патриотизм на определенные типы и т.д.

Подчеркнем здесь лишь то, что в противовес расколовшему общество глобальному проекту, общенациональная модель модернизации может стать частью планетарной лишь в силу собственного успеха. В нем патриотизм помимо свойственных ему функций будет играть и новую роль, соотношенную со «сверхзадачей». Наша страна без нее, равно как и «правил игры», в первую очередь касающихся исполнения *государственными деятелями*, развиваться не может. Операционально вычлняя среди них *тип инноватора* – профессионала-творца, обладающего качествами и компетенциями ответственного предпринимателя, лидера, до рассмотрения характерных ему ориентаций и норм определимся с понятиями, необходимыми в данном случае.

Прежде всего, это *ценности*, их проблематику в социологию политики ввел М. Вебер. У Т. Парсонса, к примеру, так и осталась необъясненной причина, по которой ценность как «неэмпирический объект» приобретает свойство интегрировать общество. Согласно Н.И. Лапину: «Ценности – это обобщённые цели и средства их достижения, выполняющие роль фундаментальных норм» [11, с. 5]. Ценности культуры составляют сферу мотиваций поведения и деятельности личности, считает Р.Т. Мухаев, формируют ее образ жизни, действительные потребности и возможности, отношение к происходящим изменениям. Особое внимание при этом привлекает анализ *гражданской культуры*, характеризующий как социокультурное содержание властных отношений элит и масс, так и лидеров с каждым субъектом, историчность их явлений.

Разделяя понимание гражданской культуры как «воплощенного на практике кодекса гражданского поведения лидера. Того стиля его помыслов и действий, который показывает, как он представляет и реализует данные ему права и свободы, осуществляя таким образом то или иное участие в регулировании общественных процессов в интересах тех или иных социальных групп» [12, с. 17], авторы уверены в его «пригодности» и инноваторам. С напутствием самих Г. Алмонда и С. Вербы, что гражданская культура «это политическая культура умеренности. Она предполагает знакомство с вопросами со стороны обычных людей...» [13, с. 368]. Их систематизацией с целью формирования картин времени заняты лидеры.

О чем М.А. Казаков в своем первом квалификационном исследовании писал: «Специфическое влияние социокультурных компонентов структуры политического лидерства (на осуществление его функций) нарастает по мере эволюции его смысло-жизненных ориентаций в процессе модернизации общества, аккультурации новых ценностей, интегрирования в свою внутреннюю структуру требований и ожиданий общественного мнения» [14, с. 11]. Как раз тут элитами и ставятся вопросы о компетентности граждан, значении и качестве их *эмоциональности*. Они исподволь

перевертывают смысл реальной активности людей, их *готовности к усилению своего участия и действиям* лишь по мере неудовлетворения потребностей.

Собственно в этой *готовности* – начало сути патриотизма, *проявляющейся в многообразии переходных форм выходящих на интересы людей*. Но ее характер от чувства любви к Отечеству, когда социально-политические проблемы не стоят остро, до обретения им действия в годину опасности, различен. В «типовых переменных» Парсонса-Штомпки эмоциональность – качественное свойство традиционного общества. Она мало чем отличается от «рационализирующей» атмосферы переходного социума, пока размывание общественных и институциональных связей традиционного типа как следствие модернизации не провоцирует эмоциональный подъем масс.

Тогда его характер, становясь выражением настроений, притязаний, а при наличии каналов и организованности, ставит под угрозу сложившийся баланс сил и отношений, формируя своего субъекта – *общность*. Где-то под «соло» западных ориентиров в качестве критериев оценки направленности изменений в не-таких обществах, где-то собственных, «самостийных», мессианских и т.п. Но, так или иначе, столкновение ценностей, чувств, идей, а затем «площадей» их поддержки или инстинктов, навыков и разума в другой интерпретации как поэтапности в первом случае и проявление активности – во втором, стимулирует «возвращение» нормальной роли патриотизма, как в процессы социализации, так и в реальную политику.

Причем когда в ее практиках риски возрастают, патриотизм, имея множество толкований, ратует в лице медиаторов за развитие свойственных человеку ценностных (жить сообща, в мире и достоинстве) и интеллектуальных способностей как обеспечение первых. Это позволяет полагать, что их синтез и есть сущностная черта готовности к взаимодействию как кредо современного патриотизма. Она раскрывается через адаптацию, лояльность социальных групп как их инвестиция в общественную жизнь, способность к инновациям и т.д., фиксирующих *кто, что, как и в какую сторону* направляет эмоциональное состояние в качество рациональное. Отчего в свою очередь во многом зависит социальное и политическое развитие общества.

«Любить свою родину не значит считать ее единственным на земле средоточием духа, ибо тот, кто утверждает это, не знает вообще, что есть Дух, а потому не умеет любить и дух своего народа, его удел – звериный национализм. ... дух живет по-своему во всех людях и во всех народах». Истинный патриотизм и национализм есть любовь не слепая, а зрячая» [15, с.193]. Нередко такой фокус патриотической деятельности преломляется в готовности действовать *во имя* чего и даже кого-либо. Рождение идеалов (как в известных стихах) это хорошо, вождей, кумиров – плохо. Ибо «принятие какой-

либо стороны, борьба, страсть – суть стихии политики, и прежде всего вождя» (М. Вебер). Для него мобилизация готовности человека, группы, превращение их потенциального *готов* в актуальное *действую* – ключевая управленческая задача.

Еще более опасной она становится тогда, когда в нее «вплетены» идеи, что какой-то народ или цивилизация «выше» других, это проявление шовинизма. Подобные настроения со стороны вождей и лидеров – иррациональны. Одновременно их напористость, убежденность, собирающая сторонников, как рациональная черта отчасти объясняют значение предмета патриотизма, но образуют специфичность феномена, его зависимость от субъекта, стечения обстоятельств, влияющих на него, среды. Уже Ильин «делил» патриотизм на «слепо инстинктивный» и «духовный», допуская лишь второй и добавляя, что «в христианской стране патриот вовсе не обязан быть одного религиозного исповедания».

Патриотизм, основанный на «пожаре проснувшегося, испуганного ... инстинкта», «оказывается слепым аффектом, который разделяет участь всех слепых и духовно не просветленных аффектов». Он незаметно вырождается и становится злой и хищной страстью – презрительной гордыней, буйной и агрессивной ненавистью, и тогда оказывается, что сам «патриот» и «националист» переживает не творческий подъем, а временное ожесточение и, может быть, даже озверение. Оказывается, что в сердце человека живет не любовь к родине, а странная и опасная смесь из воинствующего шовинизма и тупого национального самомнения..., за которым нередко скрывается личная или классовая корысть» [16].

Если следовать призыву Ильина – видеть и обличать пороки нации – то под корыстью можно понимать и эгоизм достижения власти, и «инстинкт самосохранения», тесно связанные с ее атрибутами, а не с тяжелой работой по эффективности власти. Это адресуется *элите*, ее выбору политики «как войны» (К. Шмитт), бизнеса или управления. В свою очередь, почти все ее теории опираются на то, что обычным людям в подавляющем большинстве присуща некомпетентность в вопросах использования своей свободы. И чтобы реализовать интеллектуальный потенциал граждан необходимо «умное» руководство, государство. Тогда прав М.И. Боровков (и многие до него), считающие, что «проблема заключается в качестве правящей элиты современной России, ее способности и желании быть патриотичной и действовать, прежде всего, в интересах Отечества и его граждан» [17, с. 104].

В конечном счете, четко понимаемые всеми (для чего выбор необходим и массам, а его возможность чаще всего приходит с лидерами), *национальные интересы* являются надежным подспорьем развития жизнеспособной системы партнерских связей внутри

страны и на международной арене. С 2000 г. и по настоящее время РФ проводится «взвешенно-прагматичная» политика, исходящая из национальных интересов и национальной безопасности России. Модернизация обрела в них статус центральной политической линии. Но, «скорректированная», скорее, больше глобальными, чем внутренними изменениями в сторону наращивания сил в процессе реализации, защиты национальных интересов страны, именно он стал квинтэссенцией текущего политического процесса России.

В обобщенном виде патриотизм предстает в нем одной из определяющих, но специфических ценностей, свойственной индивидууму, обществу и человеко-сообразным формам государства как ориентация, положительно характеризующая уровень развития личности, степень сплоченности граждан страны, ее социальной и политической организации, проявляющаяся в разнообразии форм активности и действий по преобразованию общества. Как феномен патриотизм это потенциально широкая палитра оснований и идейно-эмоциональных ниш для самореализации творческой способности конкретного гражданина, группы, *выражающаяся в готовности Служения Родине и ее защите.*

Любая наука об обществе, тем более исследующая спектр проявлений политики в нем – не может обойти вниманием это *отношение* как результат коллективного творчества, коим является и сама. Но делает это в соответствии с собственной спецификой, располагая своим объектом и предметом. В частности, предмет прикладной политологии образует деятельность субъектов политики в конкретной ситуации, анализируемая с целью разработки рекомендаций участникам политического процесса. В первом и во втором случае для этого и необходимо обоснование критериев, в нашем случае с целью определить специфические стороны патриотизма в политическом процессе.

Сам по себе критерий это отличительный признак, которых на практике достаточно, почему специализированный отбор одних (для сравнения, оценки и классификации явлений) «в пику другим» и обуславливает появление «мусорных рейтингов». Наиболее внятно это объясняется существованием субъективных и научных подходов. Для *прикладного политического анализа патриотизм это, прежде всего, ориентированная на определенное действие ценность, идея, участвующая в структурировании мотиваций и общественного мнения.* Изучать патриотизм «по правде» – актуально, сложно и отчасти опасно в любом обществе, т.к. неизбежны оценки уровней авторитаризма людей, норм, технологий. Но нужно, чтобы ложные представления о нем не стали линиями разлома практик страны.

Где патриотизм, проходя сквозь различные социокультурные контексты, обретает *обоюдоострую* динамику. В нашем случае уже тем, что берется в качестве критерия, специфической меры, измерения, в характеристиках которого развивается политический процесс.

Такое понимание вызывает не только разное отношение, но и желание использовать его в своих целях. Почему, к примеру, патриотизм удобен для манипуляций со стороны бюрократии, но затруднителен в объективном научном анализе. Однако именно это и вызывает к нему неподдельный исследовательский интерес как критерию на пересечении сложностей теории и практики, разрешение которых как результат приведет к балансу качественных характеристик экономической, социальной и духовной сферы в оценке политики.

В ее настоящей фазе, особенно в условиях России патриотизм это действительно тренд. Но развитие современности в целом зависит от объема экономического капитала и значительно меньше – от человеческого капитала как состояния гуманитарной среды. При доминировании в явном «гибридных» моделей. В их рамках продолжается сращивание экономического и политического капиталов, непосредственно – их носителей и субъектов, задающих смыслы и образы времени, стратегии поведения в них. Отчего и уместен патриотизм как критерий близкий к их расшифровке, фиксации предпосылок и взаимосвязей, способных стать как истоком нового в политике, так и преградой этому.

Соответственно, и патриотизм должен быть целым, автономным в многообразных соотношениях с другими явлениями, социально признаваемым, но не переоцененным, формируемым на определенных инвариантных характеристиках. Тогда, в понимании его динамики следует исходить из *будущего* с учетом «общей славы прошлого» и «общей воли настоящего», из осмысленных перспектив патриотизма как процесса. То есть, если это потенциально широкий спектр оснований и ниш для самореализации творческой способности гражданина, группы, социума. То ее успешное осуществление при доступе массовой аудитории к технологиям становится по определению монопольным фактором страны. Не надлежащее формирование, а главное манипулирование которым, может приводить к возникновению явных или латентных дисфункциональных последствий.

Следовательно, во избежание их в виде новых угроз «общему делу» развития – *патриотизму как феномену и образу будущего самому предстоит обрести принципиально новое качество*. Проблемная ситуация заключается и в сложности его воспроизводства вне особых условий, и реализации в среде с трудом воспринимающей глубинный ценностный сдвиг современности. Он связан с развитием общества и расширением возможности *выбора человека*, являющейся его индикатором, что оказывает влияние на изменения социальных институтов. Исследовательский вопрос, таким образом, предстает как минимум в том, каким образом формы выбора и участия как инновации включить в полноценный процесс модернизации, не вступая в противопоставление с традициями?

Как вариант, «традиции – инновации – институты» вот та концептуальная схема, что позволяет понять инновационные процессы, как в русле тех традиций, которые уже

существуют в культуре и обществе, так и в контексте социального признания инноваций в качестве базы для осуществления инноваций в системе жизнеобеспечения людей. Данная схема позволяет избежать, с одной стороны, противопоставления традиций и инноваций, превращения последних в нечто чуждое традициям, а с другой, – делает возможным осмысление процессов превращения инноваций в социально-признанные нормы и ценности, т.е. некие институты, формирующиеся в ходе совместных социальных действий и коммуникаций между людьми, и со временем становящихся традицией.

Современная политика должна учитывать эти две «стороны медали» для того, чтобы не лишать инновации и преемственной связи с культурой прошлого, и их связи с будущим, с той структурой перспектив, которая складывается благодаря потоку инноваций и его рефлексии. Критерий нового патриотизма способен фиксировать уже существующие ценности и нормы в культуре и обществе для того, чтобы выявлять *преемственность* между тем, что признано в качестве традиции и инновациями, которые со временем становятся источником новых направлений, новых институций в политике.

В свою очередь, моноцентризм и редукционизм в их обновленных (евро- и американо-центристских) моделях как методология современных политических практик превращается в «подрыв будущего», в однополярную парадигму глобализации при диктате США. О чем ее правящая элита, не скрывая, заявляет в своих новых программных документах и с любой подходящей площадки (в частности, зависимой от нее Украины). Они служат поводом «не поступаться принципами» и информационным прикрытием «интервенции Запада» по отношению к «неправильным» государствам или структурам, гласно/негласно признающих лидерство РФ. Собственно их, «каждого поодиночке» где руками «озверевшего национализма», где «вскормленного радикализма» США и стремиться оставить в прошлом.

В логике навязанных войн ценности и образы патриотизма сначала становятся защитой антропологической матрицы России от информационной агрессии. Именно в сфере культурно-исторической преемственности, идентичности и саморазвития по спирали нагнетания разворачивается самая острая идейно-политическая борьба. С одной стороны, это битва религий, культур, смыслов, с другой – технологий и спецопераций. Сейчас же, когда холодная война – реальность. А к западной пропаганде, идеологии на полную мощность подключен и инструментарий геополитики в желании управлять не только нашим временем, но и пространством, от патриотизма те, кто с Россией, ждут силы, не локализованной в одной сфере. И в этой войне победит тот, кто переубедит других в схватке ценностей и инноваций. Чей разум сотворит образ мира и развития, что станет делом общего будущего.

Одновременно Россия предлагает путь, исходящий от ожиданий гуманной, патриотичной и публичной политики, стремящейся быть объективной в оценке и удовлетворенности граждан страны, и эффективности решений власти, лежащих ныне в основу стратегий инновационных программ. Организация условий, производств и пространств такой деятельности, наконец, стала реально учитывать, что их возможность и потенциал реализации могут быть обеспечены лишь во взаимосвязи. Теперь практически каждый россиянин, общество, его политическая и интеллектуальная элита убеждены в правомерности задач, вытекающих из цели сохранения единства прошлого, настоящего и будущего России, ее самой в качестве исторического, культурного и цивилизационного субъекта. Единого в своей целостности актора глобальной конкуренции – это стержень новой модернизирующей социализации и мобилизации.

Перманентная исследовательская задача современной социальной науки – переосмысление тех ценностей, что уже закрепились в традициях, и тех, что складываются благодаря политическим инновациям – тоже удел инноваторов (включая армию честных аналитиков, экспертов) и идет сегодня в «привязке» к конкретным территориям. В обеспечении их публичной сферы не столько светским, сколько характером ценностного синтеза, способного к накоплению общественного доверия к власти. В этом случае ее мобилизационный компонент может быть стимулом не только на идеологическом направлении, но и в общей ответственности за перемены. А это своего рода плацдарм создания инфраструктуры инновационной патриотической деятельности в рамках институционализации информационного общества.

На рубеже 2014-2015 гг. патриотизм обрел и новую политическую роль. Она предстала не только как присущее «духу» и месту формирование, обусловленное выбором и гражданским статусом индивида, группы, института, но и как ожидаемое поведение в сценариях доверия на «стыке» стратегического и тактического планирования. Сам его критерий стал востребованным, в частности, для определения действенности патриотизма в рамках антикризисной политики. Это предполагает выработку новых методик с веером критериев оценки, охватывающих ту палитру отношений в функционирующем политическом процессе, что нуждается в изменениях.

Литература

1. Балугев Д.Г. Информация в политических процессах // Информационно-коммуникационные измерения политических процессов. Н. Новгород: ННГУ, 2006. 107 с.
2. Гончаров Д.В., Гонтарева И.Б. Введение в политическую науку. М.: Юристъ, 1996. 232 с.
3. Политология: учеб. / А.Ю. Мельвилъ [и др.]. М.: МГИМО-Университет МИД России,

Перспектив, 2010. 624 с.

4. Ильин И. Путь духовного обновления. Мюнхен. 1962. С. 150-151.
5. Бердяев Н. О рабстве и свободе человека. Париж, 1939. С. 137-138.
6. Монах Афанасий. Русские, с нами Бог!. М.: Изд-во «Анко», 2006. С. 4.
7. Цит. по: Зотов А.А. Теория элит Парето: ее формирование и связь с современной политологией // Российские властные институты и элиты в трансформации: Материалы восьмого Всероссийского семинара «Социологические проблемы институтов власти в условиях российской трансформации». СПб.: Интерсоцис, 2011. С. 8-29.
8. Соловьев А.И. Политология: Политическая теория, политические технологии. М.: Аспект Пресс, 2000. 559 с.
9. Казаков М.А. Региональные элиты в политическом процессе России: Монография. Н. Новгород: НГТУ. 2004. 332 с.
10. Казаков М.А. Социокультурное обоснование инновационного развития России // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского: Серия Социальные науки. № 1 (9). Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2008. С. 54-59.
11. Лапин Н.И. Модернизация базовых ценностей россиян // Социологические исследования. 1996. № 5. С. 5-15.
12. Соловьев А.И. Культура власти современного российского общества. М.: Знание, 1992.
13. Almond G.A., Verba S. The Civic Culture. Political Attitudes and Democracy in Five Nations. Newbury Park, L New Delhi, 1989.
14. Казаков М.А. Политическое лидерство: современные проблемы эволюции. Автореф. дисс. ... канд. полит. наук., М.: МГУ, 1993. 22 с.
15. Ильин И. Путь духовного обновления. Мюнхен. 1962. С. 193.
16. Там же. С. 171.
17. Боровков М.И. Патриотизм как критерий отечественной элиты // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. Т. 5. № 2. СПб.: Изд-во С.- Петерб. ун-та, 2009. С. 88-105.